

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

CHARLES STROSS

GLASSHOUSE
ROGUE FARM

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

ОРАНЖЕРЕЯ БРОДЯЧАЯ ФЕРМА

Перевод с английского
Григория Шокина, Ксении Егоровой

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С86

Charles Stross
GLASSHOUSE
ROGUE FARM

Published by permission of Author and his literary
agents, Liza Dawson Associates (USA) via Alexander
Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского:
Григорий Шокин, Ксения Егорова

В оформлении использована иллюстрация
Светланы Сапеги

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-1147780-6

Copyright © 2006 by Charles Stross
© Григорий Шокин, перевод, 2022
© Ксения Егорова, перевод, 2022
© Светлана Сапега, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ОРАНЖЕРЕЯ

Посвящается Кену Маклауду

*Спасибо Джеймсу Николлу, Роберту Ноджею Сниддону,
Кори Доктороу, Эндрю Джею Уилсону, Кэтлин Бласделл,
Дэвиду Клеменсу, Шону Эрику Фэгану, Фаре Мендельсон,
Кену Маклауду, Джульет Мак-Кенне
и всем остальным подозрительным лицам*

— Этот аппарат,— начал он и взял рукоять привода, на которую тут же оперся,— изобретение нашего бывшего коменданта. Вы уже что-нибудь слышали об этом человеке? Нет? Знаете, не будет преувеличением сказать, что построение всего здешнего поселения является его рук делом. Мы, его друзья, уже к моменту его смерти знали, что все устройство поселения столь четко подчинено принципу внутренней замкнутости, что его преемник, сколько бы новых планов ни вертелось у него в голове, еще много лет не сумеет изменить ничего из старого. Наше предсказание сбылось: новому коменданту пришлось смириться с такой ситуацией. Да, жаль, что вы не знали бывшего коменданта!

*Франц Кафка. В поселении осужденных*¹

Кто помнит сегодня об армянах?
Адольф Гитлер, 1939 год

¹ Перевод А. Тарасова.

Режимы, происходящие из Насущной Республики, не используют классические дни, недели и другие земные календарные меры, разве что в историческом или археологическом контексте. Однако классическая секунда осталась основной единицей измерения времени. Удобный конвертер выглядит следующим образом:

1 секунда

время прохождения светом 299 792 458 метров в вакууме.

1 килосекунда

в архаичных единицах 16 минут.

100 килосекунд (1 день)

в архаичных единицах 1 день и 3 часа.

1 мегасекунда (1 цикл)

10 дней, в архаичных единицах 11 дней и 6 часов.

300 мегасекунд (1 месяц)

300 дней, в архаичных единицах 337 земных дней (11 месяцев).

1 гигасекунда

в архаичных единицах около 31 земного года.

1 терасекунда

в архаичных единицах около 31 тыс. земных лет (половина возраста человеческого вида).

1 петасекунда

в архаических единицах около 31 млн земных лет (половина временного отрезка с конца мелового периода).

1. ДУЭЛЬ

Темнокожая женщина с четырьмя руками идет ко мне через танцплощадку клуба. Из одежды на ней — только пояс из человеческих черепов. Волосы образуют дымный венок вокруг открытого любопытного лица. Она интересуется мной.

— Ты здесь новенький, не так ли? — спрашивает она, останавливаясь у моего стола.

Я смотрю на нее. За исключением изящно встроенных вспомогательных плечевых суставов, тело ее — самое обычное человеческое: типовой дизайн. Цепь, украшенная колючей проволокой и бутонами роз, удерживает черепа на бедрах.

— Да, я новичок, — отвечаю я. Кольцо условно-досрочно освобожденного преступника щекочет левый указательный палец — незначительное такое напоминание. — Я обязан предупредить вас, что прохожу переиндексирование личности и реабилитацию. Я — ну, человек, подобный мне, — могу быть склонен к вспышкам насилия. Расслабьтесь, это лишь предупреждение: я не причиню вам вреда. А почему вы спрашиваете?

Она пожимает плечами — широкий, волнистый жест, который заканчивается, чуть сотрясая ее бедра.

— Потому что еще не видела вас здесь, а я тут бываю почти каждый день, и так — уже дней двадцать-тридцать подряд. Помогая кому-то, можно заработать дополнительные баллы на реабилитацию. Про кольцо не беспокойтесь, их здесь многие носят. До недавнего времени и мне приходилось всех предупреждать.

Я выдавил улыбку. Значит, такая же заключенная? Просто в иерархии программы — чуть повыше?

— Хотите чего-нибудь выпить? — спрашиваю я, указывая на стул рядом с собой. — А как вас зовут, если можно спросить?

— Кей. Давай без официоза. — Она выдвигает стул и садится, перекинув через плечо огромную прядь волос и обеими руками запихивая черепа под стол. В то же время она смотрит на меню. — Я хочу охлаждённый двойной мокко с капелькой коки. — Она снова смотрит мне в глаза. — В клинике все устроено так, что волонтер постоянно приветствует здесь новых людей. И сейчас как раз моя смена. Назовешься? И да, откуда ты?

— Не гони лошадей. — Кольцо вновь щекочет. Я не забываю улыбаться. — Я — Робин. И ты права, я только что из рехаб-емкости. Выпущен один мег назад. — То есть чуть больше десяти планетарных дней, один миллион секунд. — Я из... — несколько секунд мои мысли лихорадочно мечутся, пытаюсь определиться, какую байку ей скормить, и приходят к выводу, что нужно что-то более-менее близкое к правде, — ...этого района, на самом деле. Но у меня заминки с памятью. Совсем залегался — вот и приходится с этим что-то делать.

Кей улыбается. У нее острые скулы, бледные зубы в обрамлении красивых губ; лицо с двусторонней симмет-

рией — на такую работу ушли три миллиарда лет труда эволюционной эвристики и гомеозисных генов... *И откуда только эта мысль взялась?* — сердито спрашиваю я себя. Сложность в том, чтобы отличить собственные думы от тех, что принадлежат послеоперационному протезу личности.

— Так долго не была человеком, — признается она. — Совсем недавно сюда перебралась, с планеты *Zemlya*. — Через мгновение она мягко добавляет: — Ради операции.

Я возился с бахромой, свисающей с рукояти моего меча. С ней было что-то не так, и это меня ужасно расстраивало.

— Ты жила с ледяными упырями? — спрашиваю я.

— Не совсем. Я *была* ледяным упырем.

Я таращусь на нее во все глаза — вот не думал, что когда-нибудь встречу настоящего живого инопланетянина, пусть и выпisanного из своей породы.

— Была ли ты... как это правильно сказать-то... в общем, ты родилась такой или на какое-то время эмигрировала?

— Это два вопроса. — Она поднимает палец. — Тогда и тебе от меня — два, уговор?

— Уговор. — Я кивнул без подсказки, и кольцо дало мне немного тепла. Все очень просто: поведение, предполагающее выздоровление, поощряется, а то, что усугубляет послеоперационный делирий, наказывается. Мне это не по душе, но это важная часть реабилитации — так мне сказали.

— Я эмигрировала на планету *Zemlya* сразу после предыдущего дампа памяти. — Что-то в выражении ее лица наводит на мысль, что она увиливает от правдивого

ответа. Что тому причиной? Неудачные сделки, личные враги? — Я хотела познать общество ледяных упырей изнутри.— Бокал с коктейлем вырастает из стола, Кей делает осторожный глоток.— Потому что оно *очень* странное.— Она на мгновение задумывается.— Понимаешь, я жила среди них ради исследования. Но по прошествии одного поколения мне стало... грустно. Если проживаешь с кем-то несколько гигасекунд кряду, волей-неволей привязываешься к нему — если только не становишься постчеловеком, обновляя свою... ну, ты понял. Я подружилась с парой, наблюдала, как они стареют, потом — умирают, и в какой-то момент поняла: не могу больше это терпеть. Поэтому я вернулась и стерла это... чувство. Эту боль.

Несколько гигасекунд? Одна длится тридцать планетарных лет. Многовато времени на житие с незнакомцами.

Кей внимательно наблюдает за мной.

— Это, наверное, была очень точная операция,— медленно отвечаю я.— Потому что я из прошлой жизни почти ничего не помню.

— Ты был человеком,— предполагает она.

— Да.— Определенно, был. У меня остались обрывки воспоминаний — мечи, чья сталь мерцает в сумерках в узких проулках, вновь охваченные войной зоны; кровь, льющаяся рекой.— Я был ученым. Из профессуры.— Скомпонованный ряд охваченных огнем врат, за грозной броней поста таможенного контроля между режимами. Крики, толкотня — мирные жители устремляются к темному проему.— Я был историком.— Это хотя бы отчасти правда... было правдой.— Все теперь кажется таким скучным и далеким.— Короткий выброс

энергетического оружия, за ним — тишина. — Меня заела рутина, вот и пришлось немножко освежиться.

А это уже почти стопроцентная ложь. Я не был добровольцем — кто-то сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Я слишком много знал. Либо мог согласиться на вмешательство в память, либо моя следующая смерть стала бы последней. По крайней мере, так значилось в письме на мертвой бумаге — письме к самому себе, ждавшему у кровати, когда я очнулся в реабилитационном центре, сразу после того, как испил вод Леты, доставленных прямо в мозг ботами размером с молекулу — с легкой руки хирургов-храмовников.

Я скалю зубы в улыбке, прикапывая полуправду в откровенной лжи.

— И вот я прошел серьезную переподготовку и теперь не могу вспомнить, что к чему...

— ...чувствуя себя новым человеком, — договорила она за меня с полуулыбкой.

— Ага. — Я смотрю на вторую пару ее рук. Не могу не подметить, как она сжимает и разжимает пальцы, словно заправская невротичка. — Но я предпочел консервативный дизайн тела. — Да, консервативного во мне — до фи́га. Ныне я — мужчина среднего роста, темноглазый, с уже проступающей черной щетиной — ничем не улучшенный евразиец докосмической эры, в кожаном килте и конопляных сандалиях в тон. — У меня осталось очень въедливое представление о себе, и я не собирался его отвергать. С ним слишком многое ассоциируется — так что я бы не смог. Кстати, классные у тебя черепушки.

Кей улыбается:

— Спасибо. И еще раз спасибо — за то, что не задал стандартные вопросы.

— Это какие же?

— Ну, почему я так выгляжу, например.

Впервые за наш разговор я беру свой напиток и делаю глоток горькой холодной жидкости синего цвета.

— Ты прожила столько же времени, сколько живет человеческая допотопная форма, среди ледяных упырей, и местный сброд куксится из-за того, что у тебя слишком много рук? — Я покачал головой. — Думаю, у тебя есть на то причины. И всё.

Она скрещивает обе пары конечностей в защитном жесте.

— Я бы чувствовала себя обманщицей, имея облик... — Она смотрит куда-то поверх меня. В баре есть еще парни, несколько смазливо-кавайных девиц и некоторое количество киборгов, но большинство — ортогуманоиды. Кей смотрит на даму с длинными светлыми волосами на одной стороне головы и короткими щетинками — на другой, одетую в воздушную белую драпировку и пояс с мечом. Женщина громко ржет в ответ на слова одного из своих товарищей — это берсерки ждут игроков. — ...скажем, как у нее.

— А ты когда-нибудь была ортогуманоидом?

— До сих пор им остаюсь — глубоко внутри.

Насколько я понял, она выходит на публику в ксеногуманоидном обличье, потому что стесняется. Я рассматриваю толчею берсерков и случайно встречаюсь взглядом с той блондинкой. Она смотрит на меня напряженно, затем показушно поворачивается ко мне спиной.

— Этот бар здесь давно? — спрашиваю я, а сам чувствую, как горят уши. Как эта фифа посмела так поступить со мной?

— Около трех мегасекунд.— Кей кивает компашке гуманоидов, вваливающейся в бар.— Лучше не обращай на них особого внимания, это дуэлянты.

— Я сам такой. Дуэли — часть моей терапии.

Кей гримасничает.

— Я в эти грязные игры не играю. Не фанатка боли.

— И я — не фанат,— медленно замечаю я.— Дело ведь не в этом. А в том, что амнезия часто ведет к фрустрации и смещенной агрессии, формализованный же и донельзя регламентированный контекст дуэли гарантирует, что она никого не заденет.

— Где ты живешь? — спросила она.

— Все еще в... — Я подмечаю, что она быстро сменила тему.— Все еще в клинике. Понимаешь, все, что у меня было... — Я стушевался.— Мне не очень хочется все это тащить за собой. Я еще не понял, кем хочу быть в новой жизни, поэтому не вижу смысла волочь весь этот багаж.

— Еще по одной? — спрашивает Кей.— Я угощаю.

— С удовольствием.

Когда я спиной чую, как к нашему столу идет та блондинка из компашки берсерков, в голове звенит колокольчик. Я делаю вид, что не замечаю, но чувствую знакомое тепло в животе и напряжение в спине. Древние рефлексy и более чем один современный игровой код берут на себя управление: я незаметно выдвигаю меч из ножен. Думаю, я знаю, чего хочет блондинка, и буду счастлив ее порадовать. Она — не единственная, кто здесь склонен к частым вспышкам убийственной ярости, которая не быстро утихнет. Терапевт посоветовал принять это и излить — контора одобряет. Со временем ярость уляжется.